

Алексей К. Толстой

Амена



Алексей Толстой

Амена

«Public Domain»

Толстой А. К.

Амена / А. К. Толстой — «Public Domain»,

© Толстой А. К.
© Public Domain

Содержание

Алексей Константинович Толстой	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Алексей Константинович Толстой Амена

Солнце уже было на закате, когда я, со стилетом в кармане, пришел в Колизей; но чудное освещение древнего амфитеатра не привлекало моего внимания; жажда мщения кипела в груди моей и вытесняла все другие мысли. Передо мной проходили одно за другим все обстоятельства, приведшие меня в эти развалины; я вспомнил свое знакомство с Пепиной; вспомнил все ядовитые шутки Мореля, который, как злой дух, не переставал преследовать меня во все пребывание мое в Риме; наконец, вспомнил его последнюю обиду и задрожал от ярости...

Вдруг послышалось знакомое пение, раздался звон колокольчика, и длинный ряд людей с завешенными лицами вошел в ворота и потянулся вокруг арены, останавливаясь у каждой часовни и читая вполголоса молитвы. Обошел все до одной и преклонив колено перед крестом, на средине арены, братья милосердия в прежнем порядке вышли из амфитеатра; лишь один остался неподвижен, распостертый у подножия креста. – О друзья мои, прощаете ли вы меня? – произнес он глухо и таким странным голосом, что я невольно затрепетал. Незнакомец поднял голову, и сквозь прорезанные дыры его покрывала устремились на меня выразительные глаза его. – Молодой человек, – сказал он, – я знаю, кого ты ожидаешь и с каким намерением, и я затем здесь, чтоб остановить тебя на краю бездны и удержать от преступления. – Кто ты? – спросил я с изумлением, – и отчего тебе известны мои сокровеннейшие мысли? – Кто бы я ни был, – отвечал он торжественно, – благодаря Бога, что Он дозволил тебе встретить меня, и внемли моим словам: на этом самом месте, где мы теперь стоим, совершилось некогда ужасное преступление, и жестоко за него наказан преступник! Слушай, – продолжал незнакомец, облокотясь на капитель древней колонны, которой обломки разбросаны были по арене, – я расскажу тебе нечто, случившееся давно, очень давно: "Во времена императора Максимиана жили в Риме два друга, Виктор и Амвросий, и оба они были христиане. Сестра Виктора была помолвлена за Амвросия, и день их свадьбы уже приближался; но де брачный венец провидение назначало Леонии. В то время кесарь стал преследовать нашу святую веру и целыми тысячами погибали его жертвы, иные растерзанные зверями, другие сверженные со скалы Тарпейской. Братья, дети и друзья этих несчастных собирались в отдаленнейшей части Рима и принесли перед крестом торжественный обет: скорее умереть в мучениях еще ужаснейших, чем хотя единственным словом отречься от истинного Бога. Виктор и Амвросий были между давшими сей обет. Они бросились в объятия друг друга и подкрепили слезами умиления священную клятву. Дабы существенным символом ознаменовать свой духовный союз, Амвросий снял с себя тогу, надел ее на Виктора, а сам покрылся тогою своего друга. – Может ли мы быть счастливее? – сказал он Виктору. – Сестра твоя скоро будет мою женой; а есть ли в языческой древности хотя один пример такой дружбы, как наша? – Будем благодарить всевышнего, – отвечал Виктор, – даровавшего тебе любовь, а мне дружбу, как прекрасное предчувствие ожидающего нас в той жизни блаженства, но не забудем, что велика власть врага человеческого и что козни его неисчислимы. Счастье наше не от мира сего, и мы не должны ему предаваться вполне, но бдеть и молиться, дабы враг не раскинул нам сетей в самую минуту упоения. Амвросий не отвечал ни слова, но внутренне упрекнул своего друга в излишней боязливости. В тот самый вечер Амвросий, проходя мимо храма Венеры, которого развалины видны чрез эти ворота, услышал пронзительные вопли, смешанные с неистовыми криками; несколько факелов блеснули перед ним. Выхватив меч, он бросился вперед и увидел четырех преторианцев, влекущих за собою девушку с распущенными волосами, в растерзанной одежде. Несколько ударов меча рассеяли хищников. Амвросий поднял брошенный одним из них факел и хотел помочь девушке встать, но она была в обмороке. Он стал перед нею на колени и начал тереть ее виски,

ладони и подошвы. Вскоре она раскрыла глаза, и лицо ее покрылось румянцем стыдливости, когда она взглянула на свою одежду. Амвросий хотел прикрыть девушку своей тогой, но лишь только сбросил ее с плеч, как услышал опять дикие крики и увидел блеск факелов. Преторианцы возвращались в сопровождении новых товарищей. Крики становились громче, проклятия внятнее, и факелы уже освещали их зверские лица, а Амвросий все еще стоял в недоумении, не зная, как скрыть их беззащитную жертву. Вдруг девушка приподняла голову и указала ему на стену храма, где было проделано, вроде двери, узкое, едва заметное отверстие. Потушив факел, Амвросий взял девушку на руки, вошел в отверстие и, ощупав ногою крутую лестницу, начал спускаться в подземелье. Ступени уже кончились, он чувствовал под ногами мягкие ковры, но незнакомка все еще обивала его руками и крепко к нему прижалась. – Не страшись ничего. – сказал ей Амвросий, – похитители твои далеко, и ты можешь отдохнуть в этом безопасном месте. – Ах, – отвечала она, – я теперь совершенно спокойна и обнимаю тебя единственno из благодарности. Сказав это, она ударила в ладони, и две лампы зажглись как будто волшебством. Амвросий увидел богато убранную залу, среди которой стоял бронзовый стол с сосудами и плодами. У стола находился широкий триклиний, высеченный из красного мрамора и покрытый пурпурными подушками. Вдоль стен стояли седалища из бронзы и мрамора, также покрытые пурпуром. Когда, по приглашению неизвестной, Амвросий выпил бокал душистого фалерна, она села на триклиний к его ногам и начала следующим образом: – Тебе, конечно, кажется странным твое приключение, но чтобы объяснить его, я должна тебе рассказать, кто я и где ты находишься. Я родом из Греции, мое имя Анадиомена, но отец и мать зовут меня просто: Амена. В Греции жизнь моя текла тихо и спокойно, но лишь только я вступила в Рим, как начались мои несчастья, а виною тому ваш кесарь, изверг Максимиан... Тут Амвросий остановил Амену и приложил палец к губам. – Не бойся, – отвечала она, улыбаясь, – стены эти так толсты, что снаружи невозможно слышать ни одного слова. Максимиан, – продолжала она, – увидел меня однажды в храме и решился похитить. Несколько раз избегала я его сетей; но, видя наконец, что мне нельзя показаться на улице без того, чтобы два или три преторианца на меня не напали, я не стала выходить вовсе. В одну ночь толпа сих злодеев ворвалась ко мне в спальню и именем кесаря требовала, чтобы я шла за ними. Я от них ускользнула, нашла случайно это убежище и решилась в нем остаться. Я тайно уведомила отца о своей участии, и он доставляет мне все потребности жизни и присыпает поочередно несколько девушек для моей прислуги. Сегодня неизъяснимая грусть мною овладела, и, считая окрестности этого подземелья безопасными, я не вытерпела и вышла подышать свежим воздухом ночи; но едва сделала несколько шагов, как ненавистные преторианцы схватили меня и, несмотря на мое сопротивление и крики, повлекли за собою... Если бы ты не подоспел ко мне на помощь, Я бы теперь была во дворце Максимиана... О, я не могу подумать об этом без ужаса! Амена закрыла лицо руками, и Амвросий видел, как она покраснела. Оставшись несколько мгновений в этом положении, красавица взглянула на Амвросия и сказала ему с замешательством: Рассказывая тебе мои похождения, я и забыла, что платье мое в беспорядке. Если позволишь, я оденусь в твоем присутствии, потому что жилище мое очень тесно... Она ударила в ладони – и вошли три девушки с разными принадлежностями женского наряда. Сперва Амена дала расчесать себе длинные волосы, потом приказала одной из них держать пред собою покрывало в виде ширма и, сняв тунику, велела освежить себя водою и натереть ароматным маслом. Пока девушки ей прислуживали, Амвросий чувствовал какое-то странное беспокойство; ему казалось, что не кровь, а огонь течет в его жилах. Он решился уйти, не простясь с Аменой, но лишь только сделал несколько шагов по ступеням, как услышал голос одного из преторианцев: – Клянусь Геркулесом, – говорил он, – я не отйду отсюда, пока не отыщу этого проклятого молокососа и не отрублю ему ушай! – Этого мало, – отвечал другой, – с ним должно поступить, как Улисс поступил с неверным пастырем коз! Услыша эти слова, Амвросий счел, что было бы неосторожно показаться кровожадным грабителям, и возвратился к Амене. – Друг мой, – сказала

она, – теперь уж поздно: если ты пустишься в путь об эту пору, то непременно будешь убит. Останься здесь на ночь, а завтра чем свет возвратишься домой. Ты можешь лечь на этой кровати, я же буду спать с моими девушками. Амвросий чувствовал непреодолимое влечение ко сну и, не отвечая ни слова, опустился на триклиний и вскоре забылся. Сквозь сон он слышал голос Амены, разговаривавшей со своими прислужницами, и шум воды, когда они выжимали греческие губки в серебряные сосуды. Потом звуки эти так смешались, что ему показалось, будто бы то звон бокалов и гармоническое пение, сопровождаемые арфой. Ему представилось, что он сидит за столом, покрытым дорогими яствами и душистыми винами. Седой слепец, стоя перед ним, ударял в струны и пел ту самую песнь, которую в "Одиссее" поет Демодок и где описывается, как Марс и Венера пойманы были сетями Вулкана. Человек в блестящей короне, сидевший подле него, спросил его, улыбаясь: "Хотел бы ты быть на месте Марса, с тем чтобы тебя, подобно ему, накрыли сетями?" Амвросий вспомнил о своей невесте и хотел сказать: "Нет!" – но язык его нечаянно повернулся, и он невольно произнес: "Да, если бы Венера походила на Амену!" Тут звуки арфы сделались гораздо сладостнее, зала наполнилась облаками, и он почувствовал, что возносится кверху. Когда облака рассеялись, Амвросий находился на высокой горе, откуда виднелись ему цветущие нивы, зеленые леса, светлые реки и необъятное голубое море с бесчисленными островами. Человек в золотой короне сидел пред ним на высоком престоле, окруженный множеством людей в светлых одеждах. Когда он шевелил бровями или потрясал черные кудри, то вся гора дрожала и молнии рассекали гнездившиеся вокруг нее тучи. "Друг мой, – шепнул ему знакомый голос, – ты теперь на Олимпе и видишь перед собою собрание бессмертных, готовых принять тебя в свой круг, если ты отречешься от христианства!" Амвросий оглянулся и увидел Амену, но он догадался, что то была сама Венера, потому что у ног ее ворковали два голубя. "Согласен ли ты для меня забыть свою веру? – спросила она опять. Муж мой стар и хром, ты же, как Марс, и красив и молод: я охотно променяю на тебя мужа, скажи только, что ты согласен!" Амвросий опять вспомнил о Леонии и хотел сказать: "Нет, ни за что на свете!" – но язык его вторично повернулся, и он чуть было не проговорил: "Согласен!" – как вдали увидел друга своего Виктора и сестру его Леонию, которые манили его к себе, показывая мученический венец. В эту минуту Амвросий нечаянно поднял глаза, увидел, что над ним раскинута тонкая сеть из огненных ниток. Амена показалась ему уже не столь прекрасной, а вместо голубей из-под ног ее вспорхнули две летучие мыши. Он сотоворил внутреннюю молитву и проснулся. Вокруг него было темно; но что-то горячее причиняло ему сильную боль в голове, и, ощупав лоб, он почувствовал на нем руку Амены. Он вскочил с кровати и бросился из подземелья; но едва успел пройти несколько шагов, как опять услышал голоса преториянцев. – Клянусь Геркулесом, – говорил один, – если мне попадется этот мальчишка, то я его растерзаю на части! – Этого мало, – отвечал другой, – с ним должно поступить, как Тезей поступил с Прокрустом! Слова эти показались так ужасны Амвросию, что он не решился выйти из подземелья и возвратился ощупью на свое место. Лишь только глаза его сомкнулись, он увидел себя в очаровательной стране, на берегу ручья, где вокруг серебряных тополей вился изумрудный виноградник, скрывая под широкими листьями спелые золотистые грозды. Нимфы играли на мягкой траве с резвыми сатирами, в ручье плескались наяды, а в зелени деревьев пели красивые птицы. Из рощи выходили центавры в дубовых венках и, вмешавшись в толпу сатиров и нимф, начинали с ними веселую пляску. Амвросий чувствовал нестерпимую жажду, но, подобно Танталу, он не мог ни напиться из ручья, ни достать рукою гроздий. В то время как он тщетно нагибался и протягивал руки, сладкий голос произнес близ него: "Сними с себя крест, хотя на одно мгновение, и ты тотчас утолишь свою жажду!" Он оглянулся и в кругу нимф узнал Амену; но он догадался, что это не Амена, а Венера, ибо на ней был золотой пояс необыкновенной работы, придававший ей удивительную красоту. Он не мог противостоять ее словам и уже дотронулся до креста, как ему показалось, что вдали он видит толпу народа. Вглядевшись в нее пристально, он узнал Виктора; несколько людей клали его

на деревянный станок, и палач, с обнаженною грудью, готовился истязать его раскаленными клещами, между тем как четверо других привязывали Леонию к большому колесу. "Прощай, Амвросий, — кричали ему друг и невеста, — мы умираем за нашу веру и будем молиться у престола всевышнего, чтобы он избавил тебя от ослепления!" "Нет, мои друзья, и я хочу умереть с вами!" — вскричал Амвросий и внезапно проснулся. Он вскочил с одра и опрометью побежжал из подземелья; но лишь только очутился на ступенях, как услышал два грубые голоса: — Клянусь Геркулесом. — говорил один из них. — если бы теперь попался мне этот повеса, я бы отрубил ему ноги и руки. — Этого мало, — отвечал другой, — я бы с ним поступил, как Апполон с Марсиасом! — Я не боюсь ваших угроз! — вскричал Амвросий, — умереть от рук ваших или от палачей Максимиана для меня все равно! Он выбежал на свежий воздух и увидел, что уже настало утро. У храма Венеры не было ни одного преторианца, и он спокойно дошел до своего жилища. Слуги Амвросия уведомили его, что ночью стража кесаря вломилась в дом Виктора, наложила на него цепи и увела с собою. Начальник стражи обвинял его в сопротивлении законной власти и в нападении на исполнителей Максимиановых повелений; уликою была тога с именем Виктора, которую преступник, по словам его, сбросил во время бегства. Амвросий поспешил в дом своего друга, чтобы от его сестры узнать подробности этого происшествия. Он застал ее на коленях перед образом спасителя. Крупные слезы блестали в ее глазах, но лицо ее не показывало никакого отчаяния. — Амвросий, — сказала она с ангельскою улыбкою, — все несчастья ниспосыпаются нам свыше! Сегодня друг твой без всякой вины брошен в темницу; завтра, может быть, погибнет твоя невеста; но да будет воля господня!" Тут брат милосердия остановился и, помолчав немного, спросил меня, известны ли тебе картины Рафаэля? — Да, — отвечал я, — и ни на одну из его Мадонн я не могу смотреть без сердечного умиления. — Так, — продолжал незнакомец, — я вижу, что ты понимаешь великого художника. Но если бы ты знал Леонию, ты бы уверился, что в чертах ее было не менее кротости, не менее небесной чистоты, чем в Рафаэлевых Мадоннах. — Но, — прервал я рассказчика, — ты говоришь об ней, как будто бы сам ее видел? Не прерывай меня, — отвечал он торжественно, — и слушай далее: Свидание с Леонией произвело на Амвросия странное действие. Ночное происшествие оставило в нем тягостное впечатление, а все, что он думал и ощущал в подземелье Амены, показалось ему так презренно, так нечисто в сравнении с чувством, проникавшим его в Присутствии Леонии, что он сам не понимал, как мог забыть ее хотя на одну минуту. Ему хотелось пасть к ее ногам, признаться в своем заблуждении и просить прощения, но ложный стыд удержал его. С другой стороны, он боялся огорчить Леонию, открыв ей, что тога, послужившая уликой Виктору, была брошена им самим и что он не может спасти ее брата, не погибнув вместо его. Однако он решился, не теряя времени, отыскать начальника стражи, освободить Виктора и обвинить себя в преступлении, которое приписывали его другу, пока он бегал по всему Риму, чтобы узнать, кто именно предводительствовал преторианцами, схватившими Виктора, и в какой темнице он заключен, прошел целый день. Было уже поздно, когда он, собрав нужные сведения, шел по дороге в темницу. Ему надлежало проходить мимо храма Венеры. Лишь только он поравнялся с местом, где накануне спас Амену, кто-то тихонько назвал его по имени. Он остановился и услышал, что голос выходит из подземелья. — Сойди ко мне на минуту, — говорил голос, — ты устал, и тебе надо подкрепить свои силы! — Не нужно, — отвечал Амвросий довольно сухо и продолжал свой путь. — Амвросий, Амвросий! — закричал голос, — я знаю, куда ты спешишь; но ты не спасешь своего друга, а только погибнешь с ним вместе. Есть другое средство его спасти, сойди ко мне, и я тебя научу, что должно делать! Слова эти показались Амвросию так убедительны, что он спустился в подземелье. Ковры на этот раз были усыпаны свежими розами, и благоухание их было так сильно, что Амвросию показалось, будто бы он от него пьянеет. Амена с полураскрытыми глазами лежала на подушках. — Я тебя ожидала, — сказала она ему, — и нарочно велела убрать свое жилище как можно лучше. Выпей немножко вина и омой себя водою: смотри, как ты устал и запылился! — Она ударила в ладони, и прислужницы

внесли несколько сосудов холодной воды и разные ароматы. Когда Амвросий выпил чашу вина, они сняли с него обувь и, освежив его ноги, окатили ему голову и плечи. – Теперь ложись и отдохни, – сказала Амена, – а я покамест уйду к своим девушкам. Амвросий давно хотел ее спросить, каким образом ему спасти Виктора; но лишь только он начинал говорить, Амена его прерывала. Наконец он, не обращая внимания на ее речи, спросил, что ему надобно делать? – Ты очень нетерпелив, – отвечала Амена, – но чтобы скорее тебя успокоить, я скажу тебе, как ты должен поступить, чтобы избавить друга твоего от смерти, не подвергая себя опасности. Если ты теперь явишься к тюремному начальнику и скажешь ему, что ты настоящий преступник, а что Виктор невинен, то хотя тебя и посадят в темницу, но Виктора из нее не выпустят; напротив, претор почтет его твоим сообщником, – и вместо одной жертвы погибнут две. Вы принадлежите, – продолжала Амена с видом соболезнования, – к такому сословию, которое всякий может губить безнаказанно и для которого нет ни суда, ни законов. Подумай только, что будет с твоей невестой, когда ни брата ее, ни тебя не останется для ее защиты? Каждый хищник, каждый кровопийца станет на нее смотреть как на свою добычу, которую никто не осмелится и не захочет у него отнять! О, если бы вы не так были упрямы и согласились возвратиться к вашим прежним богам, тогда еще все бы можно поправить! Амвросия это заключение чрезвычайно поразило, и когда он нечаянно поднял голову, ему снова показалось, что над ним раскинута тонкая сеть из огненных ниток. Однако он не мог не сознаться, что доводы Амены справедливы, и спросил ее, что ему остается делать? – Во-первых, – отвечала Амена, – ты должен сколь можно менее показываться: связь твоя с Виктором так известна, что рано или поздно она тебя погубит, если ты не будешь осторожен. Во-вторых, никто не может спасти твоего друга, кроме его сестры. Пусть она завтра же пойдет во дворец кесаря, бросится перед ним на колени и молит его о помиловании ее брата. Максимиан изверг, но ему случается показывать проблески великодушия; я уверена, что молодость и красота твоей невесты тронут его каменное сердце... Тут ужасная мысль поразила Амвросия. – Как! – вскричал он, – но если эта самая молодость и красота... – Я понимаю, что ты хочешь сказать, – прервала его Амена. – Ты боишься, чтобы грубая чувственность тирана не побудила его к какому-нибудь насилию; но будь спокоен. Максимиан теперь занят одною мною, а неудача вчерашнего предприятия так раздражила его любовь, что никакая другая мысль не войдет в его голову. Впрочем, если бы даже это и было возможно, то такой случай одно предположение; а когда ты своею опрометчивостью лишишь Леонию брата и жениха, тогда в каждом воине кесаревою стражи она найдет Максимиана! Амвросий согласился с справедливостию этих слов; но, несмотря на просьбы Амены, непременно хотел продолжать путь свой и посетить Виктора в его темнице. Лишь только он приблизился к выходу из подземелья, как услышал снаружи разговор двух преторианцев. – Я уверен, – говорил один из них, – что человек, скрывшийся около этого храма, сообщник того негодяя, который вчера помешал нам похитить Амену и которого завтра утром прибывают ко кресту! – В том нет никакого сомнения, – отвечал другой, – и я позволю назвать себя бабой, если отойду отсюда, не дождавшись этого бездельника! Услышав, что друга его казнят на другое утро, Амвросий очень испугался, Ему хотелось прорваться сквозь толпу преторианцев и силой освободить Виктора; но, после краткого размышления, он увидел, что мысль его безрассудна и что он погибнет без всякой пользы для своего друга. Он решился возвратиться к Амене и рассказать ей подслушанный разговор. – Ты видишь, – сказала Амена, – что совет мой всего вернее. Так как опасность, угрожающая Виктору, гораздо ближе, чем я полагала, то и ты должен поспешить его спасением. Вот пергамен, напиши сейчас к Леонии, чтобы она чем свет шла ко дворцу и ожидала появления кесаря. Скажи ей, что ты ручаешься за успех. Ты можешь ее смело в этом уверить, ибо могла ли бы я, обязанная твоему мужеству более чем жизни, дать тебе дурной совет. Одна из моих прислужниц выберет удобную минуту и выйдет с твоим посланием из подземелья. Преторианцы ее не увидят, а если бы и заметили, то пропустят без затруднения. Амвросий хотел сделать еще какое-то возражение,

но почувствовал, что сон его одолевает. Он взял пергамен, написал, что проговорила Амена, и, склонив голову на стол, крепко заснул. Этот раз он ничего не видел во сне, но его пробудил горячий поцелуй Амены. Встань, — говорила она ему, — теперь уже утро, Преториянцы ушли, ты можешь безопасно дойти до дома. Амвросий чувствовал большую усталость, но он вскочил с триклиния, куда, вероятно, его перенесли во время сна, и вышел из жилища Амены. Солнце было уже высоко, и он поспешил в дом Леонии, чтобы узнать об успехе ее поступка. На дворе встретили его слуги; — они плакали и рвали на себе одежду. Двое из них рассказали ему, что Леония, получив его письмо, очень была им поражена, но тотчас велела им следовать за собою и пошла ко дворцу Максимиана. Она бросилась перед ним на колени и стала умолять его о прощении брата. "Клянусь Юпитером, — сказал кесарь, — я ничего не знаю о ее брате! Что он за человек?" — "Он? — отвечал один центурион, — он христианин, которого за разные дерзкие поступки и, между прочим, за сопротивление твоим приказаниям я велел посадить в тюрьму". — "Ты хорошо сделал, — отвечал кесарь, — и можешь поступить с этим христианином как заблагорассудишь; но сестра его мне нравится, и я хочу составить ее счаствие". Тут, по знаку Максимиана, подвели к нему Леонию. "Хочешь ли меня полюбить?" — спросил он ее. "У меня есть жених и брат, — отвечала Леонид с кротостию, — и, после Бога, я люблю их одних!" Услыша такой ответ, продолжали слуги, мы побледнели; ибо глаза кесаря налились кровью и белая пена показалась на его устах, однако ж он удержался и продолжал довольно ласково: "Полюби меня, и я осыплю тебя золотом и прощу твоего брата". "Жизнь его в твоих руках, — отвечала Леония, — но если ты его погубишь, то на это будет воля Божия; любить же тебя я не могу!" "Послушай, — продолжал кесарь, — если ты будешь упрямиться, то я обойдусь и без твоего согласия, а брата твоего и жениха заставлю умереть пред твоими глазами в ужаснейших мучениях!" Здесь твердость Леонии ее покинула. Она упала к ногам Максимиана и, залываясь слезами, обняла его колени. "Сжался надо мной, — вопияла она, — могу ли я любить тебя, пролившего безвинно столько христианской крови! Будь великодушен, отпусти меня и прости моего брата!" Кесарь долго молчал, и смотрел на Леонию ужасными глазами. "Есть одно средство, — сказал он наконец. — Если ты и брат твой откажетесь от вашей веры и согласитесь поклоняться богам, то я вас обоих отпущу, не сделав вам ни малейшего вреда; если же нет, то брат твой погибнет. Твои единоверцы доселе так были упрямые, что все приносили в жертву своему Богу. Мне любопытно знать, до какой степени доходит это упорство!" Леония опять бросилась на колени, но кесарь подал знак, и ее отвели в темницу. Услыша этот рассказ, Амвросий впал в отчаяние. — О Амена! — кричал он в исступлении, — ты виновница этого несчастия! Твои хитрости и лукавые советы причиною, что я погубил друга и невесту! Но если я не в силах их спасти, то, по крайней мере, умру вместе с ними! Он побежал к префекту, рассказал все, что с ним случилось в последние два дня, и просил, чтоб его подвергли казни, но освободили бы Виктора и Леонию. Что предсказывала Амена, случилось. Префект велел отвести его, скованного, в глубокую темницу и засмеялся ему в глаза, когда он упомянул об освобождении друга и невесты. Амвросий провел ночь в мучительном беспокойстве. На другой день пришел тюремный страж и предложил ему свободу от имени префекта, с тем, чтобы он отказался от христианства. Амвросий с негодованием отвергнул это предложение. Прошел день, тюремщик явился с прежним вопросом. Ответ Амвросия был тот же. Таким образом, он недели две провел в темнице, получая пищи ровно сколько было нужно, чтоб не умереть с голоду, и не видя никого, кроме тюремного стража, приходившего каждое утро с тем же предложением и уходившего в глубоком молчании. Была уже ночь, как Амвросий, лежа на мокрой земле, услышал под собою глухие шаги. Вскоре яркий луч осветил темницу, и он увидел Амену, с лампою в одной руке и с амфорою в другой. — Можно ли быть столько неосторожным! — сказала она ему, и слезы блестали в ее глазах. — О, если бы ты меня послушался! — Горе мне! — отвечал Амвросий, — что я тебя послушался! Если бы не ты, Леония не была бы теперь в руках Максимиана. Но удалось отсюда и не обольщай меня более! — О, как ты мало меня знаешь! — сказала Амена. — Я ли

виновата, что невеста твоя так гордо отвечала кесарю? Он вспыльчив и когда войдет в ярость, то бешенству его нет пределов. Но я уверена, что он бы смягчился, если бы Леония отказалася ему с большей кротостью. Впрочем, надежда еще не потеряна, и если ты последуешь моему совету, то можешь завтра же выйти из тюрьмы и спасти твоих друзей. – Что ж мне делать? – спросил Амвросий. – Выпей немного вина, – отвечала Амена, – и я тебе сейчас скажу. Амвросий приблизил амфору к губам, и, по мере того как он втягивал в себя душистую влагу, странное чувство разливалось по его жилам. Цепи перестали его тяготить; ему казалось, что темница наполняется золотистыми облаками и что перед ним мелькают нимфы, сатиры, центавры и наяды. Все блестящие картины языческой мифологии постепенно развивались в его воображении, и сердце его трепетало от сладострастной неги. – Я бы могла, – продолжала Амена, – тебя освободить теперь же. Цепи твои распилить мне нетрудно, а подземный ход, через который я вошла, имеет сообщение с моим жилищем; но это бы значило совершить только половину дела, и товарищи твои остались бы в темнице. Чтобы действовать благоразумно, ты должен непременно, хотя на несколько дней, притвориться, будто переходишь в нашу веру. Когда об этом узнает кесарь, он захочет тебя наградить и, по своему обыкновению, велит спросить, чего ты желаешь? Ты потребуешь прощения Виктора и Леонии, и когда они будут освобождены, вы убежите из Италии и в отдаленной Испании дождитесь кончины Максимиана. Амвросию казалось, что отречься от своего Бога, хотя только для виду, смертельный грех; к тому же он не был уверен, что Максимиан будет так великодушен, как предполагала Амена; но он подумал о мучениях, ожидающих его друзей, и решился принять на себя ответственность поступка, не одобряемого его совестью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.